

ДОВЕРИЕ

Александр Шаевич

Александр Шаевич

Доверие

<https://litres.ru/74051979>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кейл Харди — бывший детектив, теперь репортёр маленькой газеты в Ривертоне — получает звонок из ФБР. Показания свидетеля дали ниточку по старому делу. Три года назад в Детройте погиб его напарник Джим Коннор. Официально — ограбление. Харди всегда знал что не ограбление.

Он едет в Детройт.

Там его ждёт человек которому он доверял больше всех. И правда которую он не хочет знать.

Содержание

Глава 1. Детройт	4
Глава 2. Риган	12
Глава 3. Вечер	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Шаевич

Доверие

Глава 1. Детройт

Уэлч позвонил в понедельник утром, когда я писал материал про новый светофор на перекрёстке Мэйн и Седьмой.

— Харди. Есть кое-что по детройтскому делу. Форрест дал показания на прошлой неделе — там всплыло имя. Не буду по телефону. Можешь приехать в Кливленд?

— Когда?

— Завтра.

Я закрыл ноутбук и посмотрел в окно. Ривертон жил обычным утром — пекарня на углу, машины, хозяин аптеки переворачивал табличку. Всё как всегда.

— Буду, — сказал я.

Эд поднял голову когда я положил трубку.

— Кливленд?

— Да.

— Уэлч?

— Да.

Он посмотрел на меня секунду. Потом вернулся к своему экрану.

— Езжай.

Уэлч принял меня в той же переговорной на третьем этаже. Серый бетон, окно с видом на Эри. Озеро было таким же как в прошлый раз — большим, холодным, равнодушным.

Он положил на стол одну страницу. Распечатка, несколько строк.

— Из показаний Форреста, — сказал он. — Читай.

Я прочитал. Потом ещё раз.

— Фрэнк Риган, — сказал я.

— Да.

Я отложил страницу. Посмотрел в окно на озеро.

Фрэнк Риган. Двадцать восемь лет в полиции Детройта, последние десять — старший детектив отдела по расследованию организованной преступности. Человек который учил меня работать. Который говорил: факты, Харди, только факты, всё остальное — шум. Который сидел напротив меня в баре после тяжёлых дел и молчал именно столько сколько нужно. Который пришёл на похороны Коннора и стоял у гроба с таким лицом что я тогда подумал — он любил Джима как сына.

Как я любил.

— Харди, — сказал Уэлч.

— Слышу.

— Это не доказательство. Это показания одного человека. Форрест говорит что слышал имя Ригана в контексте детройтского дела — от Салли, три года назад. Не прямо, косвенно. Этого недостаточно для обвинения.

— Но достаточно чтобы смотреть.

— Да, — сказал Уэлч. — Достаточно чтобы смотреть.

Я встал. Взял распечатку, потом подумал и положил обратно.

— Харди. — Уэлч смотрел на меня. — Ты понимаешь что я тебе это показал не для того чтобы ты поехал в Детройт?

— Понимаю, — сказал я.

— И всё равно поедешь.

Это не было вопросом.

Я выехал из Кливленда в половине третьего. До Детройта — два с половиной часа по I-90, потом на север. Прямая дорога, плоские поля, редкие города вдоль шоссе. Октябрь уже заканчивался — деревья стояли голые, небо низкое, серое.

Я думал о Фрэнке Ригане.

Первый раз я его увидел в девяносто девятом — молодой детектив, первый год в отделе, ничего не понимает. Риган подошёл, посмотрел на меня без особого выражения и сказал: пойдём, покажу как здесь работают. Мы проработали вместе восемь лет. Потом я перешёл в другой отдел — но связь осталась. Звонки, встречи, иногда просто кофе. Он был из тех людей которые не исчезают из жизни.

Когда погиб Коннор — Риган был первым кто позвонил.

— Джим был хорошим человеком, — сказал он тогда. — Лучшим.

— Да, — сказал я.

— Держись, Харди.

Я держался. Полгода — держался. Потом уехал в Ривертон.

Риган звонил иногда — редко, но звонил. Спрашивал как я. Я говорил — нормально. Он говорил — хорошо. Мы оба знали что это не совсем правда, но не копали глубже. Так бывает с людьми которые понимают друг друга без лишних слов.

Последний раз говорили месяца три назад. Он рассказывал про внука — маленький, только начал ходить. Смеялся.

Я помнил этот смех.

Я ехал и смотрел на дорогу и старался не думать о том что написано в распечатке которую оставил на столе у Уэлча. Получалось плохо.

Детройт появился на горизонте в сумерках — сначала огни, потом силуэты, потом шоссе сузилось и город начался по-настоящему. Я въехал с севера, через Хайленд-парк — старый маршрут, двадцать лет по нему ездил.

Город был другим и тем же одновременно. Несколько кварталов снесли, несколько — отстроили заново, блестящие фасады рядом с заколоченными окнами. Детройт всегда так жил — умирал в одном месте и возрождался в другом, и никогда до конца ни то ни другое.

Я знал здесь каждую улицу.

Остановился у светофора на Вудворд-авеню. Рядом — бар где мы с Коннором отмечали закрытие первого большого дела. Ему было тридцать два, мне тридцать пять. Он заказал

виски и сказал: Харди, мы хорошая команда. Я согласился. Мы были хорошей командой.

Светофор сменился на зелёный.

Я поехал дальше.

Гостиница была на Джефферсон-авеню — небольшая, без лишнего, из тех где не спрашивают лишнего. Я снял номер, поднялся, поставил сумку. Сел у окна.

За окном Детройт жил своим вечером. Огни на реке — Виндзор на той стороне, Канада. В детстве казалось странным что другая страна так близко. Потом привык.

Я достал телефон и нашёл номер Ригана.

Смотрел на него долго.

Потом убрал телефон и лёг на кровать.

Завтра.

Сегодня — просто лежать и смотреть в потолок детройтской гостиницы. Слушать город который когда-то был моим.

Джим Коннор был из тех людей которые не умеют делать что-то вполсилы.

Я познакомился с ним в две тысячи третьем — он пришёл в отдел молодым, громким, с той особой уверенностью которая бывает у людей не знающих ещё что их ждёт. Я тогда подумал: долго не продержится. Ошибся.

Через полгода он стал лучшим детективом в отделе. Не потому что умнее других — хотя был умным. А потому что не умел останавливаться. Дело могло быть глухим, холодным, без единой зацепки — Джим всё равно шёл. Говорил:

где-то есть ниточка. Просто мы её ещё не нашли.

Обычно находил.

Мы с ним не сразу стали напарниками — сначала просто работали рядом, пересекались. Потом однажды застряли вдвоём на ночном дежурстве, дело было скучное и долгое, и к утру выяснилось что мы оба читаем одних авторов, боеем за разные команды и одинаково думаем о том как должна работать полиция. Это сближает быстрее чем годы знакомства.

Джим был женат — Сара, двое детей, дом в Дирборне с газоном который он ненавидел косить. Я иногда приходил к ним на барбекю — сидел на веранде, смотрел как он возится с газонокосилкой и ругается вполголоса чтобы дети не слышали. Потом садился рядом, открывал пиво и говорил: красивый газон, Джим. Он смотрел на меня с таким выражением что Сара начинала смеяться.

Последний раз я видел его за три дня до того как его не стало.

Мы сидели в машине на наблюдении — скучное дело, ничего не происходило. Джим ел сэндвич и смотрел в окно. Потом сказал — без предисловия, просто так:

— Харди, ты знаешь что самое странное в этой работе?

— Что?

— Что мы видим худшее что люди делают друг с другом. Каждый день. И всё равно верим что большинство — нормальные.

— Ты веришь?

— Верю, — сказал он. — Иначе зачем всё это.

Я тогда не ответил. Просто смотрел в окно.

Теперь думаю об этом часто.

Я лежал в темноте детройтской гостиницы и смотрел в потолок.

Потом взял телефон и нашёл номер Ригана. На этот раз набрал.

Он взял после второго гудка — как всегда.

— Харди. — Голос тот же. Тёплый, чуть хриплый, голос человека который много курил в молодости и бросил слишком поздно. — Сколько лет. Ты где?

— В Детройте, — сказал я.

Пауза. Короткая.

— В Детройте, — повторил он. — Надолго?

— Несколько дней. Есть дело.

— Зайдёшь?

— Завтра, — сказал я. — Если не против.

— Какой против, — сказал он. — Приходи к обеду. Сделаю кофе как раньше.

— Хорошо.

— Харди, — сказал он перед тем как положить трубку. — Рад что позвонил.

— Я тоже, — сказал я.

Я убрал телефон и лёг обратно.

За окном где-то далеко прошёл поезд — долгий гудок, потом тишина.

Я закрыл глаза.

Глава 2. Риган

Риган жил на Пулсифер-авеню — тихая улица в северной части города, кирпичные дома, клёны вдоль тротуара. Я знал этот адрес наизусть — бывал здесь много раз. День рождения, Рождество, просто так. Дом был угловой, с небольшим крыльцом и старым фонарём у входа который Риган чинил каждую весну и который ломался каждую зиму.

Фонарь горел.

Я припарковался у тротуара и несколько секунд сидел в машине. Смотрел на дом.

Всё то же. Кирпич потемнел чуть больше, крыльцо подкрасили — белой краской, свежей. В окне первого этажа — свет. Риган всегда любил светлые комнаты. Говорил: в тёмных комнатах люди думают о плохом.

Я вышел из машины и пошёл к крыльцу.

Он открыл раньше чем я позвонил — услышал шаги, наверное. Стоял в дверях — крупный, чуть погрузневший за эти три года, в домашнем свитере и джинсах. Седой почти полностью — раньше была только седина на висках. Смотрел на меня и улыбался.

— Харди, — сказал он. — Дай посмотрю.

Он смотрел на меня так как смотрят люди которые давно не виделись и проверяют — как время прошло. Потом кивнул — удовлетворённо, как будто я сдал какой-то неглас-

ный экзамен.

— Заходи.

Внутри пахло кофе и чем-то жареным. В гостиной — тот же диван, те же полки с книгами, фотографии на стене. Я скользнул по ним взглядом — Риган молодой в форме, Риган с женой Мэри которой уже три года как не было, Риган с внуком на руках. И одна фотография которую я знал — мы троём, я, Джим и Риган, после закрытия большого дела в две тысячи девятом. Стоим у здания отдела, все улыбаются. Джим смеётся — он всегда смеялся громче всех на фотографиях.

Я отвёл взгляд.

— Садись, — сказал Риган. — Кофе готов.

Мы сели на кухне — за тот же стол у окна где я сидел десятки раз. Риган разлил кофе, поставил тарелку с бутербродами — простые, с сыром, как всегда. Он никогда не усложнял еду. Говорил: хороший кофе и нормальный бутерброд лучше любого ресторана.

— Ривертон, — сказал он. — Как там?

— Нормально, — сказал я. — Маленький город.

— Скучаешь по Детройту?

Я подумал секунду.

— Иногда.

Он кивнул — не настаивал. Риган умел не настаивать. Это было одним из его качеств которое я ценил больше всего — он знал когда не копать.

— Слышал про твою историю, — сказал он. — Ривертон, «Риверсайд», Чикаго. Большое дело.

— Читал?

— Нашёл в интернете. — Он чуть усмехнулся. — Научился наконец. Внук помог. — Пауза. — Хорошая работа, Харди. Джим бы оценил.

Я взял кружку.

— Да, — сказал я. — Наверное.

За окном Пулсифер-авеню жила своим утром — редкие машины, женщина с собакой, листья на тротуаре. Обычный детройтский ноябрь.

— Ты сказал — дело, — сказал Риган. — Что за дело привело тебя в Детройт?

Я посмотрел на него. Он смотрел на меня — открыто, спокойно. Тот же взгляд что всегда. Внимательный, без спешки.

— Федеральное расследование, — сказал я. — То что началось в Ривертоне — оказалось больше. Чикагские деньги шли не только туда. Несколько городов по Среднему Западу. И детройтский след тоже есть.

— Детройтский след, — повторил он. Голос ровный. — Чикаго и Детройт. Серьёзно.

— Да.

— ФБР?

— Они ведут. Я — параллельно. Журналистски.

Риган взял свою кружку. Подержал в руках — большие руки, рабочие, я знал их давно.

— Чем могу помочь? — спросил он.

— Пока просто разговариваю с людьми, — сказал я. — Понимаю как здесь всё было устроено три года назад. Кто был в теме, кто мог знать.

— Три года назад, — сказал он. — Это когда погиб Джим.

— Да.

Тишина. Не долгая — секунды три. За окном проехала машина.

— Харди, — сказал Риган. Голос стал тише, чуть другим. — Ты думаешь что гибель Джима связана с этим делом.

Это не был вопрос.

— Работаю с разными версиями, — сказал я.

Он смотрел на меня. Долго, серьёзно. Потом кивнул — медленно.

— Правильно делаешь, — сказал он. — Джим заслуживает правды. — Пауза. — Если что-то найдёшь — скажи мне. Я хочу знать.

— Скажу, — сказал я.

Мы ещё час говорили — про Детройт, про старых коллег, про внука который уже ходит и падает и встаёт и снова ходит. Риган смеялся рассказывая про него — тот же смех что я помнил. Тёплый, настоящий.

Когда я уходил он проводил меня до крыльца.

— Харди, — сказал он. — Рад что приехал. Серьёзно.

— Я тоже, — сказал я.

Он стоял на крыльце и смотрел как я иду к машине. Я

чувствовал его взгляд спиной.

Сел в машину. Завёл двигатель. Сидел секунду не трогаясь.

Всё то же. Тот же Риган — тёплый, внимательный, настоящий. Тот же кофе, те же бутерброды с сыром, та же фотография на стене где Джим смеётся громче всех.

Я подумал о распечатке на столе у Уэлча.

Потом выехал на улицу и поехал.

Была одна деталь которую я заметил и которую не хотел замечать.

Когда я сказал про три года назад — про время когда погиб Джим — Риган не спросил что именно я ищу. Не спросил какой детройтский след. Не спросил ничего что спросил бы человек которому это в новость.

Он только сказал: правильно делаешь.

Как человек который уже знал вопрос.

Я поехал не в гостиницу.

Сам не знал почему — просто поехал по городу. Старый маршрут, детройтский рефлекс — когда думаешь, едешь. Мимо Паркер-авеню, мимо старого склада который снесли и отстроили заново, мимо бара где мы с Джимом отмечали закрытие дел. Бар был закрыт — днём, на двери табличка с часами работы. Другое название. Сменили хозяина.

Детройт менялся пока меня не было. Как и должен.

Я остановился у здания отдела на Бересфорд-стрит почти случайно. Просто оказался рядом — или не случайно, сам не

знал. Серое здание, американский флаг у входа, несколько машин на парковке. Всё то же.

Я зашёл.

Дежурный на входе был незнакомый — молодой, смотрел вопросительно. Я назвал себя, сказал что бывший детектив отдела, хочу повидать кого-нибудь из старых коллег. Он позвонил куда-то, подождал, кивнул — проходите.

На втором этаже я столкнулся с Питом Сарджентом.

Пит работал в отделе ещё с девяностых — невысокий, плотный, с вечно усталым видом человека который видел слишком много и давно перестал этому удивляться. Мы не были близкими друзьями — просто коллеги, хорошие коллеги. Когда увидел меня — остановился, моргнул.

— Харди. Вот это да.

— Пит.

Мы пожали руки. Он смотрел на меня с той же проверяющей оценкой что и Риган — как время прошло. Потом усмехнулся.

— В Ривертоне хорошо кормят, — сказал он. — Выглядишь нормально.

— Ты тоже.

— Вру и ты врешь, — сказал он добродушно. — Пойдём, кофе выпьем.

Мы сели в маленькой комнате для совещаний — та же что была три года назад, только стулья сменили. Пит принёс два стакана из автомата, поставил передо мной.

— По делу? — спросил он.

— По делу.

— Федеральное?

— Краем, — сказал я. — Детройтский след в большом расследовании. Чикагские деньги, коммерческая недвижимость, давление на малый бизнес. Три года назад схема работала и здесь.

Пит слушал не перебивая. Это был его стиль — слушать сначала, говорить потом.

— Три года назад, — сказал он когда я закончил. — Это когда Джим нашёл что-то.

— Да.

— Мы все знали что это не ограбление, — сказал он тихо. — Никто не говорил вслух — но знали. — Он посмотрел на стакан. — Официально дело открыто. Практически — висит. Никто не копает.

— Почему?

Он помолчал.

— Потому что те кто мог копать — не копают, — сказал он. — А те кто хотел — быстро понимали что не стоит.

— Тебе говорили не стоит?

— Не прямо, — сказал он. — Просто дали понять. — Пауза. — Харди, ты с Риганом виделся?

— Сегодня утром.

Пит кивнул — медленно, как будто это подтверждало что-то что он думал.

— Как он?

— Нормально. Тёплый приём, кофе, бутерброды.

— Да, — сказал Пит. — Риган умеет принимать.

В его голосе было что-то — совсем немного. Я не стал копать. Пока.

— Пит, — сказал я. — Кейт Морроу здесь ещё работает?

Он поднял взгляд. Посмотрел на меня — чуть дольше чем нужно для простого вопроса.

— Работает, — сказал он. — Аналитический отдел, третий этаж. — Пауза. — Ты знаешь что она занималась делом Джима? Неофициально, сама по себе. Потом ей сказали — не надо.

— Кто сказал?

— Не знаю точно, — сказал он. — Сверху. — Он встал, забрал стакан. — Харди. Будь осторожен. Не потому что пугаю — просто. Джим тоже был осторожным человеком.

Он ушёл.

Я сидел в пустой комнате и смотрел на стакан с холодным кофе из автомата.

Кейт занималась делом Джима. Неофициально, сама по себе. И ей сказали — не надо.

Я думал об этом пока спускался на первый этаж. Думал когда выходил на улицу. Думал когда садился в машину.

Потом достал телефон и нашёл номер — он был у меня три года, я его не удалял. Просто никогда не набирал.

Смотрел на него долго.

Потом набрал.

Три гудка. Четыре.

— Морроу, — сказал женский голос. Сухой, деловой, без лишнего.

— Кейт. Это Харди.

Пауза. Не долгая — секунды две. Но я её почувствовал.

— Знаю, — сказала она. — Пит позвонил. — Ещё пауза.

— Ты в городе.

— Да.

— Зачем?

— Хочу поговорить.

— О Джиме, — сказала она. Не вопрос.

— Да.

Тишина. Я слышал в трубке какие-то звуки отдела — голоса, телефон вдалеке, обычный рабочий день.

— Сегодня в шесть, — сказала она наконец. — Знаешь кофейню на Листер-стрит? Угол и Двенадцатой.

— Найду.

— Хорошо.

Она положила трубку.

Я убрал телефон и выехал на улицу.

Пит позвонил ей раньше чем я вышел из здания. Значит ждал что я спрошу про неё. Значит знал что я спрошу.

В этом городе все всё знали — или делали вид.

До шести было три часа. Я поехал в гостиницу — разобрать сумку, выпить нормального кофе, подумать.

Детройт начинался.

Именно. Это и есть самое человеческое — не отпускать до конца. Даже когда всё говорит что поздно, что слишком много воды утекло — где-то в уголке живёт это "а вдруг".

У Харди это особенно сильно — он человек который умеет ждать и умеет молчать о важном. Он не скажет ей об этом.

Глава 3. Вечер

Я не поехал сразу в гостиницу.

Сел в машину, завёл двигатель — и не поехал. Просто сидел. Смотрел на Пулсифер-авеню через лобовое стекло. На тихую улицу, на клёны, на фонарь у крыльца ригановского дома который горел несмотря на то что был день.

Риган сказал — рад что приехал. Серьёзно.

Я думал об этом.

Потом выехал — без цели, просто по городу. Детройтский рефлекс — когда думаешь, едешь. Когда не знаешь что думать — тоже едешь. Город помогает. Или мешает. Зависит от дня.

Сегодня — помогал.

Я ехал по Вудворд-авеню на юг — мимо старых театров которые отреставрировали, мимо новых кафе рядом с заколоченными витринами, мимо всего того что было Детройтом и стало другим Детройтом пока меня не было. Город менялся не спрашивая разрешения. Как все города. Как все люди.

На перекрёстке с Паркер я остановился на красный и посмотрел направо.

Там был сквер — маленький, с несколькими скамейками и голыми деревьями. Я знал этот сквер. Мы с Джимом иногда сидели там в обед когда работали рядом — брали кофе из автомата в соседнем здании и сидели на скамейке и говорили

ни о чём. Про бейсбол, про машины, про то какая будет зима. Ни о чём важном.

Важное всегда говорится между делом. Я понял это только потом.

Светофор сменился на зелёный. Я не поехал.

Машина сзади бибикнула — раз, другой. Я включил поворотник и свернул к скверу.

Скамейка была та же — или похожая, не мог сказать точно. Дерево потемнело, краска облупилась. Я сел и поставил воротник — холодно, ноябрь.

Сквер был пустым. Только голуби у дальней скамейки — клевали что-то, не обращали на меня внимания. Деловые птицы.

Я сидел и думал о сегодняшнем утре.

Риган. Бутерброды с сыром, кофе, фотография на стене. Всё то же. Тёплый приём, старые истории, смех. И одна деталь которую я заметил и которую не хотел замечать — когда я сказал про три года назад, он не спросил что именно я ищу. Сказал только: правильно делаешь.

Как человек который уже знал вопрос.

Я сидел и разрешал себе думать об этом. Не отгонял — просто думал. Дал себе это время.

Риган. Двадцать восемь лет в полиции. Человек который учил меня что факты важнее интуиции — и что интуиция это тоже факт, просто ещё не проверенный. Который сидел напротив меня в баре после тяжёлых дел и молчал именно

столько сколько нужно — не больше, не меньше. Который знал когда говорить и когда просто быть рядом.

Я научился этому у него. Молчать рядом с человеком которому плохо — и чтобы это молчание было правильным. Это редкое умение. Не все могут.

Как такой человек мог...

Я остановил эту мысль.

Рано. Пока — рано. Пока есть только одна деталь и распечатка на столе у Уэлча. Этого недостаточно чтобы решать что мог и чего не мог человек которого я знал двадцать лет.

Факты, Харди. Только факты. Всё остальное — шум.

Его слова. Я слышал его голос когда думал это.

Голубь подошёл ближе — один, осторожно, смотрел на меня одним глазом. Я не двигался. Он постоял секунду и ушёл обратно к своим.

Я достал блокнот и написал список. Что знаю — точно, без интерпретаций. Одна встреча в переулке. Распечатка с именем Ригана от Форреста — косвенная, один свидетель. Пауза в разговоре утром.

Негусто.

Нужно больше. Нужны люди которые знают схему изнутри. Нужны жертвы которые могут описать как это работало. Нужна Кейт и её три месяца работы.

Я закрыл блокнот.

Джим нашёл это случайно — зацепился за несоответствие в финансовых документах. Значит документы были. Значит

где-то есть следы. Детройт не Ривертон — здесь больше людей, больше объектов, больше следов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.